

Костюк Алиса Анатольевна
Воронежский государственный университет,
alice_costiuc@mail.ru

Диалектика творчества и безумия: Фридрих Ницше и Мишель Фуко

В статье предпринимается попытка проанализировать творчество как особый вид деятельности и выяснить, каким образом соотносятся категории творчества и безумия на примере работ Фридриха Ницше и Мишеля Фуко. В противоположность репродуктивной деятельности, исходящей из упорядоченности и рационализованного воспроизводства, продуктивная деятельность, которую мы определяем как творчество, предполагает элемент иррационального, хаотического. Творческий процесс, представляющий собой балансирование на грани реального и ирреального, возможного и невозможного, рационального и иррационального, рассматривается как единство хаоса и порядка, аполлонического и дионисийского начал. В творчестве заключен выход к пределу, за которым – безумие, но без которого невозможно само творчество.

Ключевые слова: творчество, безумие, продуктивная деятельность, иррациональность, аполлоническое, дионисийское.

*Нужно носить в себе еще хаос,
чтобы быть в состоянии
родить танцующую звезду.*

Ф. Ницше.

Творчество представляет собой настолько необъятный феномен, что попытка каким-то образом определить его кажется бессмысленной. Однако современная ситуация в культуре и обществе в целом подталкивает философскую мысль к движению именно в этом направлении. Фридрих Ницше, вынесший приговор своему веку, по всей видимости, оказался прав и в отношении последующего общественного развития. Творческий процесс, о котором пойдет речь, становится предметом исследования в тесной связи со смежными ему процессами, происходящими в обществе. В частности, мы говорим об отчуждении, как индикаторе трансформации творчества в современном обществе, а точнее – об отчуждении самого творчества.

Исследование феномена творчества закономерно следует начать с определения понятия творческой деятельности, которому необходимо уделить особое внимание. От того, каким образом мы определяем творчество, зависит дальнейшая логика выявления диалектической взаимосвязи понятий творчества и безумия. В новейшем философском словаре творчество определяется как «конструктивная деятельность по созданию нового <...>». Для современной философии характерна параллельная трактовка творчества, – с одной стороны, как сугубо интеллектуального феномена, с другой – как экзистенциального феномена, лежащего в основе свободы личности (экзистенциализм)» [1]. Следовательно, творчество, прежде всего, – это продуктивная деятельность, в отличие от репродуктивной, воспроизводящей что-либо по заданному образцу. Однако подобное определение очевидно нуждается в дополнении, и наша задача в рамках данного исследования – проанализировать творческий процесс как особый способ бытия человека и показать, опираясь на работы Ф. Ницше и М. Фуко, каким образом с творчеством связано безумие.

Идея творческой деятельности как субстанциальной основы человеческого существования встречается и в западной, и в отечественной философской традиции. Установка на творческую активность человека со всей очевидностью предполагает также установку на персонализм в философии, яркий пример которого – философская система Н. А. Бердяева, диалогизм М. Бубера. Персонализм Бердяева проявляется, с одной стороны, в отрицании общественных структур, иерархий, которые объективируют личность, превращая общество в пространство отчуждения, с другой стороны, – в провозглашении творчества основой истинного существования человека, в противовес объективации: «Творчество и объективация – разнокачественные состояния сознания человека, формирующие совсем разноплановые, не сводимые друг к другу реальности. Объективация есть пассивность, несамостоятельность и зависимость от внешнего источника энергии, бедность, когда с другим нечем делиться, кроме как навязывать свои модели осознания и поведения. Творчество же есть активность, энергетическая достаточность, ничего не требующая от других, есть одаривание собой» [2, с. 7]. В связи с этим, мы не можем не упомянуть о возникающей здесь проблеме отчуждения. Существует определенная связь между творчеством как способом бытия человека и системой социального взаимодействия, в которую он включен. Как творческая способность, будучи отчужденной, оставляет человека в мире объективации, так и утрата истинного отношения к Другому превращает человека в объект среди других объектов. Таким образом, говоря об отчуждении творчества, мы говорим об утрате человеком способности к продуктивной деятельности, с одной стороны, и замещении творческого содержания деятельности объективированным, репродуктивным содержанием, с другой. На этом можно завершить предварительный

анализ категории творчества, поскольку в рамках данного исследования не менее важной категорией для нас является безумие.

Что же представляет собой безумие и насколько правомерно использование данного термина в философском дискурсе? При ответе на данный вопрос мы с необходимостью приходим к творчеству Мишеля Фуко и к его «Истории безумия в классическую эпоху». Именно Фуко проблематизирует безумие, превращая его в философскую категорию, что позволяет, на наш взгляд, расширить определение творчества, раскрыв в его структуре взаимосвязь рационального и иррационального начал. Не останавливаясь подробно на описании социального и исторического контекста, в котором безумие становится одной из базовых категорий философского дискурса, начнем с того, что самого понятия безумия, согласно Фуко, не существовало вплоть до XIX века. Лишь с появлением психиатрии о безумии начинают говорить как о болезни, как об отклонении от нормы. Таким образом, когда мы проводим границу между нормой и аномалией, в обществе появляется понятие безумия.

Однако Фуко в своем исследовании данного феномена идет дальше, утверждая, что безумие неразрывно связано со знанием: «Безумие притягательно и другой своей стороной, прямо противоположной: это не только темные глубины человеческой природы, но и знание. Знание прежде всего потому, что все нелепые образы безумия на самом деле являются элементами некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания. <...> А хранителем этого знания, столь недоступного и столь устрашающего, выступает Дурак в своей простоте и невинности. Если человек разумный и мудрый различает лишь разрозненные – и оттого еще более тревожные – его образы, то Дурак несет его все целиком, в безупречно сферическом сосуде, в том хрустальном шаре, который пуст для всех, но для него плотно заполнен незримым знанием» [3, с. 31]. Фуко, таким образом, указывает на связь между разумом и неразумием, неразумное не может существовать все зависимости от разума.

Важная интуиция была высказана Фуко в отношении безумия и отчуждения: «Освободив безумца от негуманных оков, она [психиатрическая лечебница] приковала к безумцу человека и его истину. С этого дня человек стал доступен самому себе как истинное бытие; но это истинное бытие дано ему лишь в форме отчуждения, сумасшествия» [3, с. 618]. Исследователи творчества Фуко сходятся во мнении, что тот заимствовал идею изучения безумия как отчуждения у своего учителя, представителя французского неогегельянства, Жана Ипполита, который говорил: «Я придерживаюсь идеи, что изучение безумия – отчуждения в глубоком смысле этого слова – находится в центре антропологии, в центре изучения человека. Сумасшедший дом есть приют для тех, кто не может больше жить в нашей бесчеловечной среде» [4, с. 8]. Принимая безумие как отчуждение, как изо-

ляцию человека от общества, Фуко приходит к важному заключению: «Итак, безумец предстает теперь в свете бесконечно возобновляющейся диалектики *Того же самого* и *Иного*. Отныне безумец – не *помешанный*, обретающийся в поделенном надвое пространстве классического неразумия; он – *отчужденный*, сумасшедший в современной форме этой болезни» [3, с. 616]. Таким образом, категория безумия у Фуко, с одной стороны, тесно связана с разумом, рациональностью, а с другой стороны, – с категорией отчуждения. Для того чтобы завершить эту схему, необходимо вернуться к понятию творчества и рассмотреть его сквозь призму категорий рационального – иррационального, разума – безумия, для чего нам следует обратиться к философии Фридриха Ницше.

Философия Ницше – явление неоднозначное, однако в плане исследования феномена творчества его вклад очевиден. Для Ницше творчество становится фундаментальным принципом бытия – той движущей силой, благодаря которой человек способен преодолеть себя, поскольку человек есть нечто, что должно превзойти. Истоком творчества является дионисийское начало – стихийное, иррациональное и экстатическое. Противоположное ему – аполлоновское – начало гармоничное и рациональное. Аполлоновское и дионисийское у Ницше – диалектически взаимосвязанные начала бытия, наивысший синтез которых проявляется в аттической трагедии. Однако развитие рациональной мысли приводит к угасанию дионисийского и к торжеству аполлоновского начала в культуре, что, по Ницше, является очевидным признаком упадка и декаданса.

Тема творчества объединяет основные понятия философии Ницше: сверхчеловек, вечное возвращение, воля к власти – все они, по сути, служат для выражения мысли о преодолении рационализированной и застывшей данности, о возвращении к жизни творческого, дионисийского начала, не зря ведь Ницше писал о себе как о «певце Диониса». У Ницше мы находим похожие интенции в отношении безумия, которые, возможно, послужили для Фуко источником вдохновения. Рассуждая о последнем человеке, Ницше устами Заратустры провозглашает: «Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. «Прежде весь мир был сумасшедший», – говорят самые умные из них и моргают» [5, с. 304].

Проблеме творчества Фуко уделяет внимание в конце «Истории безумия», утверждая, что «неразумие в современном мире <...> принадлежит к решающим моментам любого творчества, – иначе говоря, к тем смертоносным, властным стихиям, которые заложены в творчестве как таковом» [3, с. 625]. Таким образом, определяя творчество как особый способ бытия человека, мы заключаем его между сферой объективации, примером которой служит высвеченное в персонализме объективирующее отношение к миру (Н. А. Бердяев), и сферой безумия, хаоса.

Результатом отчуждения творчества, таким образом, становится либо погружение в объективацию, исключаящую любое проявление творчества, либо слияние с хаосом безумия – помешательство. Однако указанные сферы не противоположны друг другу и, следовательно, несопоставимы, поскольку творчество, противопоставляемое сфере объективации, не противопоставляется сфере безумия, а находится с ней в гораздо более сложной связи: «Безумие существует лишь как конечный миг творчества – творчество неустанно вытесняет его за свои пределы; *где есть творчество, там нет места безумию*; и однако безумие современно творчеству и творению, ибо кладет начало времени его истины» [3, с. 628]. Итак, перед нами вырисовывается некая схема творческой деятельности, которую можно проиллюстрировать на конкретном примере.

Мы можем представить себе следующую картину: два здания, возведенных по новейшим технологиям, с множеством этажей, отведенных под офисы, в самом центре большого города – оплот *ratio*; далее, представим себе трос, натянутый между этими зданиями на высоте последнего этажа. И, наконец, представим себе канатоходца, который стоит на крыше одного из зданий, без страховки и любых других подобных уловок, только с балансировочным шестом в руках. Он стоит в предвкушении первого шага – момента, когда он окажется над пропастью и пути назад уже не будет. Ступив на трос, он не сможет вернуться назад, перед ним откроются только два пути: первый, путь творчества, – вперед, по натянутому тросу, к конечной цели – противоположному зданию, без малейшей возможности дойти только до середины и остановиться; и второй, путь безумия, – вниз, в бездну и пустоту.

Почему второй путь мы называем безумием, а не творчеством? В творчестве, как мы отметили в самом начале, присутствует момент созидания, только создавая, мы можем говорить о творении, чистая деструктивность творчеством не является: «Безумие есть абсолютный обрыв творчества; оно образует конститутивный момент того уничтожения произведения, которое во времени служит основанием его истины; оно очерчивает его внешнюю окончательность, линию низвержения в пропасть, черту, за которой начинается пустота» [3, с. 627]. Канатоходец, о котором мы говорили – Филипп Пети, 7 августа 1974 года прошедший по натянутому тросу между башнями-близнецами Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Ступив на трос, он дошел до конца, поэтому в отношении его выступления мы применяем термин «творчество», хотя, если бы оно завершилось падением, скорее всего, мы бы знали его как безумца. В связи с этим, можно вспомнить известную сцену из ницшеанского Заратустры, в которой канатный плясун падает с каната из-за скомороха, выпущенного вслед за ним. Скоморох, в данном контексте, может выступать олицетворением безумия, подталкивающего канатоходца к краю пропасти.

На наш взгляд, данная метафора ярче всего описывает процесс творчества. Перефразируя Ницше: «Творчество есть канат, натянутый между столпами *ratio* над пропастью хаоса и безумия». Творчество, таким образом, не может возникнуть без участия иррационального начала. Канат или трос, в то же время, может олицетворять границу между рациональным и иррациональным, границу, находясь в пределах которой, мы можем сочетать две эти полярности, оказываясь, следовательно, способными к творческой деятельности, тогда как уход к одному из полюсов означает уничтожение творчества или отчуждение, что иллюстрирует Фуко на примере безумия самого Ницше: «Последний вопль Ницше, провозгласившего себя одновременно Христом и Дионисом, звучит вовсе не там, где смыкаются разум и неразумие; <...> вопль этот – уничтожение самого произведения, после него оно становится невозможным и вынуждено умолкнуть; молот выпадает из рук философа» [3, с. 627]. Таким образом, балансирование на границе рационального и иррационального, аполлонического и дионисийского и есть творчество, объединяющее в себе хаос и порядок. До каната, до этой границы, творчества еще нет, после – уже нет. Балансировать на грани – призвание человека творящего.

Список литературы

1. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] . – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1202/ (дата обращения 01.12.16).
2. Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Сост. А. Г. Шиманского, Ю. О. Шиманской. Мн. : Экономпресс, 2000. 301 с.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. М.: АСТ, 2010. 698 с.
4. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / М. Фуко. СПб. : Наука, 2004. 432 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : Сочинения. М. : Эксмо, 2010. 848 с.